

У беломраморного надгробья женщина в черном. На лице следы былой красоты. Впрочем, почему былой? Хаджар-ханум прекрасна и сейчас. Тонкое, одухотворенное лицо, глубокие, выразительные глаза, которые она в немой мольбе подняла к небу. О чем она молит Аллаха? Чтобы он понял ее доброго, нежного, но такого своенравного мужа, был снисходителен к нему...

Рядом с удивительным человеком, художником большого таланта, народным артистом Союза, Героем Социалистического Труда Ниязи более 50 лет жила эта удивительная по своим душевным качествам женщина. У нее необычный талант любить людей, но прежде всего лучшего из них — своего мужа. А она твердо верила в то, что он «лучший», и никто на свете не мог ее переубедить в этом.

Хаджар, вопреки воле братьев, отъезжавших в Иран, осталась в Баку: Ниязи украл любимую. Взглянув на кроткую девушку, смирилась с женитьбой властная, крутая свекровь. Беззащитность и чистота Хаджар подкупили и свекра, композитора Зульфугара Гаджибекова. Как он старался получить устроит молодых в квартире, состоящей из одной комнаты! Верным другом Хаджар на долгие годы стал младший брат мужа Чингиз Гаджибеков, впоследствии известный дирижер.

Хаджар с ее природным умом и душевной тонкостью, исполнительностью и чувством ответственности вполне могла бы сделать удачную «карьеру». Могла стать хорошим врачом, ведь она успешно училась в медицинском институте... Но Хаджар, может быть, одна из первых, разглядела всю глубину таланта Ниязи, и совершенно сознательно, раз и навсегда выбрала для се-

бя роль его жены. Просто жены.

Сила любви молодой женщины спасла в 30-х годах Ниязи, у которого горлом шла кровь. Она добивалась с потрясшей строгости врача самоотверженностью поселения в туберкулезном санатории, чтобы каждую минуту быть рядом с тяжелобольным мужем. С редкостным терпением выхаживала она его и после операции на легких...

Я не была свидетельницей тех драматических событий. Но по тому, с какой болью рассказывала о них

який рай в шалаше. И тут же, по своей неистребимой привычке язвить, добавил:

— Не то, что сейчас в четырехкомнатных хоромках...

И видя, что тучка нашла на лицо Хаджар, он пытался снова ее рассмешить:

— Помнишь, как мы прокутили в интуристском ресторане все деньги за пальто, заложенное в ломбарде...

— Да, ты тогда повел себя как Рокфеллер. Приглашал к нашему столу все новых гостей, а я улыбалась, стараясь отогнать назойливую мысль, — на что завтра хлеб покупать?

в консерватории, другой — в семье Ниязи.

Точно также светилась счастьем Хаджар, когда в доме поселялись Рауф Гаджиев, Андрей Бабаев, которым со всей щедростью, ничего не оставляя себе, отдавал знания, свой опыт Ниязи.

Наверное, в истории жизни художественной интеллигенции не так много таких примеров. У Ниязи, пожалуй, был в этом плане предшественник: его родной дядя — великий Узеир Гаджибеков. И, наверное, только с его спутницей жи-

заслуга Хаджар-ханум. Она умела убеждать мужа.

Неукротимый, своевольный Ниязи, подчинялся ей одной, хотя внешне это выглядело совсем наоборот. Он кричал на нее, даже топал ногами, иногда на глазах музыкантов... Так он мстил за ее победы над ним, за крупные и мелкие уступки...

А то вдруг переходил на «вы», обращался к ней не иначе, как «мадам», произнося это слово с холодной вежливостью. Я удивилась однажды, когда Ниязи, с которым мы допоздна засиделись над статьей для «Бакин-

как-то в хорошем настроении. Но тут же осекся и затушевал свою нежность каким-то дерзким, едким, ироничным словом...

Зато все хорошее, что заслуживала и чего не заслуживала Хаджар-ханум, он сказала в те дни, когда впервые в жизни она оставила его. Уехала в Иран, к родным. А он, не знающий, сколько стоит хлеб, не держащий в памяти ни одного телефона, не представляющий, где висит фрак, был похож на заблудившегося в лесу ребенка. Он даже заболел, но не разрешил досрочно вызывать свою Хаджар.

Ниязи считал дни здесь, в Баку, Хаджар-ханум — в Тегеране. Это была любовь?

Конечно. Самоотверженная и со стороны Ниязи. В последние годы жизни он очень плохо чувствовал себя. Поднимаясь на третий этаж в квартиру, он раз двадцать останавливался, чтобы перевести дыхание, передохнуть.

— После концерта особенно трудно подниматься, — как-то признался он мне.

— Ниязи Зульфугарович, а может, не стоит так часто дирижировать?

— Молчи! Я должен работать — и за себя, и за Хаджар...

Ниязи был осыпан наградами при жизни. Ему, неповторимому дирижеру и композитору оказывали самые высокие почести. Велика его слава. Над ней не властна даже смерть. Но живет он сегодня не только в своих произведениях, в своем творчестве, но и в любви, в беспредельном обожании, которые хранит в своем сердце Хаджар-ханум.

— Пишите о нем, — просит Хаджар-ханум, когда я прихожу к ней. И никогда ей не приходит в голову, что можно написать и о ней. О том, что если бы не было ее, не было бы «такого» Ниязи.

С. МИРЗОЕВА.

Бакинские рабочие. Баку. - 1990. - 28 сент.

ПРОСТО ЖЕНА...

спустя десятилетия Хаджар, как нежно смотрел в это время на нее Ниязи, я понимала, какие это были тяжкие дни, которые навсегда скрепили, спаяли союз супругов. Наверное, это была единственная тема, вокруг которой никогда, никто из них не шутил, не балагурил, не разыгрывал в лицах «сценки». Во всех остальных случаях им вполне достаточно было и одного зрителя, для того, чтобы разыграть целую серию представлений из своей жизни, спектаклей, диалогов — и все в юмористическом ключе.

— Помнишь, Ниязи, как мы под клеенкой на балконе устроились, когда пошел дождь...

Это о тех временах, когда супруги почти полгода, до глубокой осени, спали на балконе из-за тесноты гаджибековской квартиры.

— Отличный получился брачный шатер, — лукаво отозвался Ниязи. — Насто-

Это о той поре — в конце 40-х годов, когда Ниязи был изгнан с работы «по высочайшему повелению», и его семья осталась без средств...

— Что ж ты не вспомнишь роскошный ужин, который мы устроили в день рождения Фикрета Амирова...

И пошли, пошли воспоминания о тех годах, когда Амиров жил в доме Ниязи: «вот на этом диване спал». На том памятном дне рождения самым главным и единственным блюдом на столе был хлеб. Воображения трех одаренных людей хватало, чтобы представить, глядя на хлеб, самые изысканные блюда.

Три тяжелых послевоенных года жил в тесной квартире посторонний человек, а жена не просто терпела, а искренне радовалась гостю. И не считала его посторонним. Она радовалась и радости мужа, по поводу успехов Фикрета Амирова. Он будто проходил два параллельных курса учебы: один

ни Мелеке-ханум можно сравнивать бескорыстие и самоотверженность Хаджар. Деликатность, интеллигентность, милосердие, стремление помочь ближнему — все это в одинаковой степени было присуще и Мелеке-ханум и Хаджар-ханум. Сходство было еще в одном: обе внушали своим «жильцам» мысль о том, что хозяйки им многим обязаны.

Но у Хаджар-ханум был и свой характер. Он обычно проявлялся, когда надо было укротить Ниязи, смгачать остроту его неприятия тех или иных коллег. Так, много лет длившаяся дружба Ниязи с Кара Караевым и Фикретом Амировым, внезапно прервалась, и превратилась во взаимную вражду, которую не без личной корысти подогревали некоторые нечистоплотные люди. Но если в те годы и звучали произведения двух наших выдающихся композиторов в исполнении оркестра под управлением маэстро, то это

ского рабочего», потребовал:

— Скажите мадам, пусть чай принесет...

— Какая мадам?

А «мадам» с улыбкой (это в четыре-то часа утра) вошла в комнату с подносом.

— Давай почитаем ей, — уже примирительным тоном говорил он. И читал.

Хаджар-ханум была его первой слушательницей, первой советницей в делах куда более сложных и более тонких...

Ей первой он играл мелодии из своего балета «Читра». И если она уходила, не сказав ни слова, страшно нервничал, из гордости не спрашивал причину молчания. Искал, наигрывая на пианино, одну и ту же мелодию, пробуя разные варианты ее развития. В какой-то момент появилась она, сияющая, радостная:

— Какой же ты у меня молодец... Это как раз то, что нужно...

— Вот так мы и пишем музыку вдвоем, — сказал он